

Чувство нового

Чувство нового, присущее советским людям,—могущий двигатель прогресса нашей жизни. Советские ученые, инженеры идут в авангарде борьбы за новое. Они содействуют утверждению нового, проявляют истерическое отношение к явлениям быстрых, рутинных, консервативных. Такие факты, когда в нашей мощной прогрессивной машиностроительной промышленности пользуются нормативами прочности, отражавшими уровень начала текущего столетия, естественно, вызывают глубокое возмущение.

Равнодушие к новому, неверие в новое, безответная преданность старым канонам в области теории прочности приводят к перерасходу металла, суживанию творческих возможностей конструктора в его постоянной борьбе за дальнейшее совершенствование машины.

Вполне закономерен и понятен поэтому большой интерес, который вызывает в широких кругах научно-технической общественности опубликованная в «Литературной газете» статья члена-корреспондента Академии наук ССР И. А. Одинга «Коэффициент быстрых и равнодушия».

Большая заслуга И. А. Одинга в том, что он широко и резко поставил вопрос о пересмотре устаревших нормативов прочности. Вопрос этот злободневен. Нельзя, в самом деле, работать в 1950 году по нормам начала века!

Новые нормативы, естественно, должны быть созданы на основе последних достижений нашей науки. В решении этой большей народнохозяйственной задачи конструктор должен принять активное участие. Он обязан вообразить все возможные случаи нагрузок и перегрузок детали в эксплуатации.

При установлении новых нормативов прочности нельзя забывать также и о постоянном стремлении стахановцев повышать интенсивность технологических процессов, увеличивать технологические скользости. Пересматривая, скажем, нормативы прочности для станков, нужно учитывать блестящие успехи стахановцев, все время повышающие скорости резания, нужно учитывать, что машина должна быть пригодной и завтра.

Статьи И. А. Одинга представляют собой интерес не только с практической стороны. Факты, приведенные в них, заставляют серьезно задуматься над вопросами борьбы с консерватизмом в некоторых отраслях нашей науки и техники. Всем известно также, что для решения этой задачи, для составления новых учебников, справочников, норм у нас имеется достаточно блестящих исследований советских ученых, техников, металлургов.

Достаточно вспомнить хотя бы труды таких наших ученых, как С. Кипнина, И. Францевича, С. Серенсона, Н. Щапова, И. Олинга, и многих других. Сотруднику Союзу принадлежит беспрекословный приоритет в разработке значительного большинства проблем по расчету прочности. Однако широкого применения во всей социалистической технике великого Советского Союза эти новые мысли, опыты и нормы все еще не получили.

Почему до сих пор имеют применение нормы дореволюционного периода, нормы иностранного происхождения, нормы «тейлеровщины»? Чем это объясняется? Как складывается эта отсталость? Где корни ее возникновения?

Ответить на поставленные вопросы не очень трудно. В этих прискорбных явлениях сказываются живущие еще кое-где традиции буржуазной школы, боязнь нового, преклонение перед заученными канонами. Каждая очередная смена инженеров и техников, окончивших втузы и техникумы, несет в жизнь, пропагандирует теории, знания, формулы, нормы, взятыми из учебников, заучиваемые по учебникам, из студенческой скамьи.

Каковы же эти нормы, эти учебники?

К сожалению, приходится констатировать, что по некоторым отраслям бурное развитие науки и техники, достижения исследовательских учреждений и лабораторий, а также практические успехи новаторов производства на много лет опережают взлеты в нормах, которые с невероятным упорством отстаивают в устаревших спрашивниках и учебниках.

Весьма характерен в этом отношении тот отшелестивший сейчас факт, что многие профессора в своих учебниках, лекциях и справочниках по резанию металлов пропагандировали вредные, давно опровергнутые стахановцы и передовой науки «теории» Тейлора.

Вот где кроется тормоз номер первый! В устаревших учебниках и в преподавателях и профессорах, отставших от жизни производства.

Ясно, что для Советского Союза и его темпов такое преподавание не годится. Его необходимо изменять. Отстающие пре-

подаватели и профессора высших учебных заведений должны внимательно и ответственно следить за движением советской техники. Они не только не имеют права отставать от ее развития, но обязаны возглавлять ее быстрейшее движение вперед.

За последние годы связи преподавателей высшей школы с производством расширяются и крепнут. Но все же они недостаточные.

Министерство высшего образования СССР, например, и пыльные противодействует совмещению профессорами педагогической деятельности во втузах с постоянной практической работой на заводах, в промышленности. А ведь такие выдающиеся деятели русской науки и техники, как Ломоносов, Менделеев, Жуковский, Крылов, не мыслили себе научного творчества без постоянной связи с производством, с практикой. Неужели можно сомневаться в том, что максимальный успех лежит в умелом сочетании науки и практики?

Необходимо также регулярно пересматривать устаревшие учебники с привлечением к этому важнейшему делу профессоров, инженеров производства с тем, чтобы учебники систематически пополнялись теоретическими и практическими новинками.

Итак, повторяю: тормоз номер первый кроется в некоторых отсталых преподавателях, профессорах и учебниках. Однако есть еще другой, сильнейший тормоз: это присущие еще некоторым руководящим работникам промышленности и «незыблемым» научным авторитетам консерватизм, стремление к спокойной жизни. Консерваторы ведут подчас немиримую борьбу против всего нового, против всякого движения вперед. Консерваторы пытаются меняться на чужой большевистской манере, наступательному духу «житейской мудрости»: «Старое, мол, проверено!», «Как было често вышло!», «А вдруг это новое вынесет мои труды!»

Эта психология перестраховщиков таит опасности, особенно в наше время, когда советская наука прокладывает новые, никому неведомые еще пути в технике, критически пересматривает все «буржуазное наследство». Перестраховщики пытаются задержать рост стахановского движения, с пеной у рта защищают явно устаревшие нормативы.

Бороться с этим злом трудно, ибо в случае малейших недоразумений консерваторы мгновенно принимают невинный вид и невозмутимо изрекают: «Я хотел сказать наяднее, вернее! Новое недостаточно проверено! Давайте поставим широкие опыты!»

Вот и задерживается осуществление новых веторовских предложений на годы. Как разобратить такое зло, как защитить развитие нового в нашей стране от таких «авторитетов»? Их ведь немало.

Достаточно вспомнить статью в газете «Правда» о молодом враче-новаторе Румянцеве, последователе новых идей академика Филатова. В своей практике он достиг блестящих успехов. Однако медицинский совет в лице профессоров Эмдина, Гутникова, кандидата медицинских наук Митлина и других пытаются задушить новатора.

Каковы были настоящие цели этих людей? Предохранять народ от ошибки врача Румянцева или лишить народ нового достижения медицины? Этот вопрос остается неясным, и мы не читали на страницах газет ответа на него.

У нас есть законы, карающие за халатность по службе, но я не запомнил показательного судебного процесса над людьми, которые противодействовали внедрению новых, наименее затратных методов в промышленности, а также ограничивали вовсе запрещать применение старых норм, старых способов производства так, как мы запрещаем работу в условиях, не соответствующих технике безопасности.

Для полного торжества нового над старым одним этих мер недостаточно. Надо предоставить соответствующим организациям право декретировать внедрение того или иного метода или новых норм в промышленность, а также ограничивать вовсе запрещать применение старых норм, старых способов производства так, как мы запрещаем работу в условиях, не соответствующих технике безопасности.

Старому никогда не восторжествовать над новым! Старая, вытеснившая от неподъемного напором горного потока. Такой же могущий процесс происходит нашей великой Родине. Лучшим примером того, как надо бороться за новое и уничтожать отжившее, старое, является вся жизнь и деятельность товарища Сталина. Как могутый маяк, указывает нам путь к прогрессу его мудрые слова: «Наука потому называется наукой, что она не признает фетишистов, не боится поднять руку на отжившее, старое и чутко прислушивающееся к голосу опыта, практики».

Академик А. МИКУЛИН

Илья Зренбург, писатель, член Болгарской академии наук (Македония);

Мини Сло, писатель, вице-председатель Китайского комитета защиты мира (Китай);

Александр Фадеев, писатель, вице-председатель Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (СССР);

Дж. Рогге, вице-председатель Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (Германия);

Людмил Стоянов, писатель, член Болгарской академии наук (Болгария);

Артур Баккер, председатель Всеобщего союза голландской молодежи (Голландия);

Жан Лиффит, генеральный секретарь Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, писатель (Франция);

Эриберт Хара, вице-председатель Мексиканского комитета защиты мира, бывший морской министр Мексики (Мексика);

Дж. Эндики, председатель Канадского конгресса в защиту мира, почётный доктор теологии (Канада);

Пьер Огюстен, вице-председатель Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (Франция);

Люси Обрак, член постоянной комиссии организации «Борьба за мир и свободу» (Франция);

Сергелий Малере, член руководящего бюро Союза французских женщин (Франция);

Марсель Аллеман, шахтер (Франция);

Фернан Клаво, крестьянин (Франция);

Роже Гароди, писатель, депутат Национального собрания (Франция);

Лоран Казанова, депутат Национального собрания, бывший министр (Франция);

Карлос Рафаэль Родригес, писатель, секретарь Кубинского национального комитета борьбы за мир (Куба);

Алонсо Родригес, журналист (Республика Доминиканская);

Мухамед Джерад, журналист (Тунис);

Джон Бакл, профсоюзный деятель Южной Африки;

Абдер-Хаман Бучама, архитектор, председатель Алжирского комитета сторонников мира (Алжир);

Брайтштейн (Израиль);

Иона Голлан, секретарь Израильского комитета защиты мира (Израиль);

Жаргалсанхан, член комитета наук Монгольской Народной Республики (МНР);

Манол Кономи, президент Научного института (Югославия);

Руперт Локвуд, журналист, председатель Австралийского совета защиты мира (Австралия);

Рамкириша Джамбекар, журналист (Индия);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Илья Зренбург, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, писатель (Польша);

Мустафа Амин, адвокат (Сирия);

Иосиф Громан, генеральный секретарь Международного союза студентов (Чехословакия);

Пьер Кот, депутат Французского Национального собрания, бывший министр (Франция);

Леон Кручиковский, пис

Станиславский сегодня

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

Великий театральный мыслитель, могучий режиссер и артист, воспитатель целых поколений советских актеров, К. С. Станиславский оставил нам в наследство передовое учение о сценическом творчестве. Его реалистическая система, подобно мощному акумулятору, вобрала в себя художественный опыт передового русского театра, обобщив демократические идеи и законы творчества лучших его мастеров. В ней живут и светлая народная мудрость Шекспира, и великая правда Садовского, и пленящее ермоловское сердце. Ее формировали благородные мысли Беннигского, музейственный реализм Горького и Чехова, обогащая живой опыт самого передового в мире советского искусства.

Последние годы своей жизни, когда тяжелая болезнь уже больше не позволяла Станиславскому сидеть за режиссерским столиком МХАТ и выходить на театральные подиумы, он продолжал беззаветно служить своему народу. Победы болезни, он работал у себя дома, в Леонтьевском переулке, носящем теперь его имя.

Однажды в туре портала мне довелось увидеть Станиславского на репетиции и быть свидетелем его вдохновенной работы.

Поддерживаемый междюстрийной Константина Сергеевича спустился с антресолей в вестибюль и вошел в репетиционный зал. Было ясно, что он очень болен. Но как только Станиславский начал урок, он весь чудесно преобразился: подтянутый, собраный и сразу помолодевший, острым, жадным взглядом следил за этими учениками, Станиславский повел репетицию, бесподобно обрушившись на всякое проявление фальши, по-детски раздражая каждой крохи правды, мудро и бережно подводя молодых актеров к пути самостоятельного творчества, он передавал в их руки ключи своего метода. Шел пятый час репетиции. Врач уже давно беспокойно поглядывал на часы. А Станиславский, забыв о времени и болезни, демонстрируя красоту и могущество русского слова, с блеском и юмором, «во весь голос» читал монолог Флорусса. Лицо его порозовело, глаза искалились жизнью. Могучий «красавец человека» вел репетицию. Кончая ее, он сказал:

— Скоро меня не будет с вами. А ведь еще ничего не знаю. Кажется, только начинаю что-то понимать.

Это говорил семидесятилетний Станиславский, казалось бы, все постигший и создавший в театре художников. С живым Станиславским мы снова встретились недавно в книге В. Топоркова «Станиславский на репетиции»,

Эта книга в одно и то же время является увлекательным поэтическим рассказом о природе сценического творчества, талантливым портретом великого художника и ценных источником наших познаний о системе Станиславского.

Немало начадок и извращений испытала система Станиславского. Формалисты и вульгаризаторы пытались обогатить ее, обильять чужой советским театром. Ремесленники и энгионы выхолащивали из системы самое важное и дорогое — ее творческий дух — и превращали (из иногда превращают и сейчас) в сумму мертвых канонов и в реестр терминов, которыми режиссеры лишь засыпают живое актерское творчество. А система живет и развивается, она давно уже вышла за пределы Художественного театра и стала не только его достоянием, но и драгоценным достоянием многих и многих советских актеров и режиссеров.

Как бы непосредственно обращенные к нам, в сортире, слышны мы со страниц книги В. Топоркова слова Станиславского: «Актер должен все время работать над собой... Проси вас честно сказать: хотите ли вы учиться?.. Вы же люди взрослые, каждый из вас имеет актерские ими, звание, каждый вправе считать себя законченным мастером и может рассчитывать прожить на этом мастерстве до конца своих дней. Вас гораздо больше не может привлечь исполнение двух-трех блестящих ролей, чем длинная, тягост-

Мирза ИБРАГИМОВ

Живет и будет жить!

Это было осенью 1941 года в Тавризе, крупнейшем городе Южного Азербайджана. Бушевала вторая мировая война. Трудовой народ Ирана, примкнувший к борьбе свободолюбивых народов, поднялся против фашизма, против угрозы вторжения гитлеровских захватчиков. Реакционные иранские правители, преданные интересы народа, объединились с гитлеровцами, допустив их ставленников в царство в свою страну. Там самым создавалась опасность для Кавказа, для советской страны. Чтобы ликвидировать фашистскую опасность, советские войска были вынуждены временно войти в Иран.

В один из тех памятных дней тавризский поэт Джавидан показывал нам свой сад, благоухающий ароматом цветов и фруктов.

К стволу каждого дерева была прибита квадратная досочка с изображением фигуры людей или итих. Рисунки напоминали древнеперсидские миниатюры. Каждый рисунок был увенчен аккуратно выведенным бейтом (двусторонне) или рубахой (четверстие). Джавидан разъяснял, как смысл этих изображений и стихов, написанных ими самим.

О чём говорили они? О жизни народа? Может быть, об исторических событиях, охвативших весь мир, или об общественных потрясениях в Иране? Нет, об этом в стихах не было ни слова. Они говорили о бренности жизни, о бессмысличности человеческих личин. И глядя на эти рисунки, читая эти стихи, слушая их автора, казалось, что мы попали в какой-то древний мир. С трупом верилось, что этот поэтический, реакционер по натуре, живет в наше время. Но это было так. Мы сказали Джавидану, что от стихов его веет тишиной, что писать так сейчас, в наши дни, не только бесполезно, но и вредно. Он удивился:

— Так писали Саади, Хафиз, Саид Тавризи, Физули. Поззия должна быть только такою...

Честно было говорить Джавидану о прогрессивных взглядах великих классиков, названных им. Он не понял бы нас.

«Стихи даются в переводе А. Плавникова. Объединение».

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Л. Р. ШЕНИН

Л. Д. ТУБЕЛЬСКИЙ (Братья ТУР) П. Л. РЫЖЕЙ

Прикрашенный Надсон

А. М. Горский в одной из своих статей говорит о позитивистской, бессмыслице и упадке. В качестве примера он приводит стихи С. Надсона.

«Конец 80-х и начало 90-х годов», — пишет он, — можно назвать годами оправдания бесчестия и ущербности обретенных на гибель... Лозунг времени был оформлен такими словами: «Наши времена — не времена великих задач», — «не героя» красноречиво доказывали друг другу правильность этого лозунга и учились стихами:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат!

Кто бы ты ни был — не падай душой! Верь: настанет пора, и побиет Ваал! Не менее резко суждение В. Маяковского о Надсоне. В стихотворении «Юбилейное» он отрицает право Надсона стоять рядом с ним и Некрасовым. Речь шла, разумеется, не о масштабах дарования. Маяковский считал, что Надсон находится вне той линии, которая связывает революционно-демократическую поэзию Некрасова с революционной позицией нашей современности.

Недавно в малой серии «Библиотеки поэтов» вышел томик стихов С. Надсона. Он

представляет некоторый интерес для читателя, изучающего историю русской поэзии XIX века. Однако автор предисловия к нему А. Дымшиц не только непростительно замалчивает горьковскую характеристику Надсона, но и, в сущности, вступает с ней в полемику. А. Дымшиц утверждает, что «Надсон был поэтом-демократом», что его поэзия отразила и запечатлела в себе некоторые характерные стороны освободительного движения русского народа».

Самый отбор физических действий, предлагаемых обстоятельством... всегда обуславливает конечными намерениями», то есть плеядной программой пьесы.

Правильно понимая это, Топорков все же недостаточно раскрыл в своей книге возможную идентичную устремленность Станиславского. Рассыпая по тексту ряя цитат, упомянутых о первостепенной важности идейного начала в искусстве Станиславского, автор, однако, не показал, как технологические искания великого учителя сценической мастерства... всегда обуславливали его конечными намерениями», то есть плеядной программой пьесы.

Правильно понимая это, Топорков все же недостаточно раскрыл в своей книге возможную идентичную устремленность Станиславского. Рассыпая по тексту ряя цитат, упомянутых о первостепенной важности идейного начала в искусстве Станиславского, автор, однако, не показал, как технологические искания великого учителя сценической мастерства... всегда обуславливали его конечными намерениями», то есть плеядной программой пьесы.

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не открытые земли.

По последней минуте великий патриот Станиславский думал о культуре народа, мечтая принести ему в дар всеобщую систему законов природы творчества артиста. «Я нашел лишь некоторые из них», — говорил он, подытоживая свой путь. — Знаю, что их гораздо больше и что наиболее важные из них будут открыты впоследствии».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

страданий, Виденья твоего болезненного сна,

Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих

— желаний, — делает вывод, что «такой поэт удавил».

Долг всех художников советского театра, прежде всего соратников и учеников Станиславского, подиумных драгоценных оружия его метода из первых рук, совместными усилиями двигаться вперед, завоевывая все новые и новые, еще не

открытые земли.

Мы только голос твой, и если ты

— больна... — И наша песнь больна... В ней волны твоих

ЛОНДОН, 14 марта

На улице ливет дождь. Большая группа женщин — жен рабочих из пролетарских кварталов округа Вестминстер с детьми два часа ждала своего депутата под дождем у дверей «лобби», пока, наконец, до них дошла очередь. Они вошли в «лобби» и прождали депутата еще два часа.

Он так и не вышел. Впрочем, как мы уже говорили, он был, так сказать, не одинок, а имел еще 39 достойных его коллег.

А люди все стояли и стояли под дождем у парламента, разговаривали друг с другом, кое-кто пел (тихо, чтобы это не превратилось в наказуемую политическую демонстрацию).

Одна из женщин начала продавать газету, на первой странице которой были напечатаны призывы к миру, но полицейские предложили ей или немедленно прекратить это или удалиться.

На этот счет тоже есть закон: нельзя продавать газеты в радиусе ближе чем 200 ярдов от парламента. (Очевидно, с целью обезопасить депутатов от гибельного влияния прессы).

В 5 часов дня у парламента появились делегаты Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, приведшие склад для того, чтобы вручить лидеру либеральной партии Клементу Дэвису обращение Всемирного конгресса сторонников мира. Стоя у стен парламента, английские защитники мира дружно приветствовали своих зарубежных товарищих.

Делегация прошла через «лобби» в помещение, где ее должен был принять лидер либеральной партии. Защитники мира, ожидавшие в «лобби» своих депутатов, приветствовали делегацию только дружескими улыбками и кивками (более шумные приветствия внутри парламентского здания вызывали бы активность полицейских).

Было 6 и 7 часов, а у парламента все еще стояли люди, желавшие проникнуть внутрь и сказать своим депутатам, что они требуют мира. Они обменивались мнениями с теми, кто уже побывал в «лобби», по поводу ответов депутатов, соизволивших выйти к избирателям. Каекакие одних ответов, избиратели пожимали плечами, над другими иронизировали, по поводу третьих замечали, что, кажется, еще не все депутаты английского парламента пропали для дела мира.

Люди, стоявшие здесь под дождем целый день, пришли склада за тем, чтобы ясно и непреклонно выяснить, согласны ли депутаты, выбраные в парламент от их округов, защищать мир? Да или нет? И если нет, то есть ли смысл человеку, желающему мира, считать себя депутатом в парламент человека, желающего войны?

Однако что же все-таки сказало по поводу войны и мира своим избирателям то меньшинство депутатов, которое приняло в их палате общин 14 марта?

Об этом мы узнали, встретившись после 14 марта с английскими сторонниками мира, с активистами местных комитетов борьбы за мир, побывавшими в кварталах, поговорив с женщинами и мужчинами, призывающими 14 марта депутатов от своих округов бороться за мир.

Считают ли депутаты необходимым скратить вооружения и считают ли они необходимым запретить атомную бомбу? — таковы два вопроса, которые были заданы депутатам парламента.

Вот часть ответов на эти вопросы.

1. Категорически против этих мероприятий.

2. Приветствовал бы встречу Сталина, Трумана и Эйтти, но сам не поднял бы этого вопроса в палате общин.

3. Не может понять, почему господин Эйтти отказался принять делегацию мира. Поднимет этот вопрос завтра, сделает все, что может.

4. Вызывается за запрет атомного оружия. Согласен вместе бороться за мир.

5. Будет выступать против бомбы в палате общин.

6. Будет голосовать за увеличение ассигнований на вооружение.

7. Сделает все, что сможет, чтобы обеспечить запрещение атомной бомбы.

8. Готов поддержать общественный митинг, но считает, что атомная бомба является оружием обороны.

9. Считается, что пусть этим вопросом займется Организация Объединенных Наций.

10. Вызывается за запрещение бомбы и сделает все возможное для этого, но не думает, чтобы организация местного комитета мира была полезна в его избирательном округе.

11. Согласен с запрещением атомного оружия наряду со всяческим смертоносным оружием. Сделает все, что в его власти.

12. Не хочет говорить об атомной бомбе и вообще о военной ситуации.

13. Считает, что делегация является неконституционной.

14. Поддерживает полностью политику Бевина, согласен с планом Маршалла и с планом Баруха.

15. Будет иметь в виду то, что сказала ему делегация.

16. Не желает видеть никого, кто выступал против него на всеобщих выборах. Таковы ответы шестнадцати депутатов, запомнившихся их избирателям.

Аналлизируя эти ответы, можно с полной уверенностью сказать, что защита мира, борьба с поджигателями войны, предложения сократить вооружения и запретить атомное оружие — это пробный камень. Именно здесь испытываются убеждения людей. Именно при ответах на эти вопросы выясняется, что равнодушным к нам не может быть никто.

Оголтелый поджигатель войны срывающимся голосом визжит, что он будет голосовать за увеличение вооружений. «За атомную бомбу! За смерть! За разрушение!»

Потерявший последние остатки чувства национального достоинства сторонник пре-вращения Англии в 49-й штат Соединенных Штатов спешит еще раз поклониться в своей благонамеренности и верности до

Конст. СИМОНОВ, писатель,
Дм. КАБАЛЕВСКИЙ, композитор
Делегаты Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира

ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

граба планам Баруха, планам Маршалла, планам Ачесона, планам любого следующего государственного секретаря Соединенных Штатов, — фамилия безразлична, — любым другим планам, какие ему предложат его заокеанские покровители.

Боящийся сразу в войне и мира, напуганный тем и другим, парламентарий, заткнув уши руками, умоляюще шепчет: «Ради бога! Ради бога! Не портите мне первых, не говорите мне ничего об атомной бомбе!»

Беспеременный демагог в общественной жизни и суровый практик в жизни личной, на всякий случай бережно потрогав карман, где похрустывают акции военных заводов, высказывает за запрещение атомной бомбы вообще, но и за запрещение деятельности комитета мира в его окружке.

Человек прошедший на прошлых выборах не ахти каким большинством голосов

убеждениями серьезно задумывается над проблемами войны и мира и все чаще, все решительнее голосует за мир.

Вот первая страница этой листовки. Мы приводим полный перевод ее.

«ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Архиепископ Йоркский:

«Существует только одна альтернатива — уничтожение или соглашение.»

Долгом каждого, кто дорожит нашею цивилизацией, является призвать, пока еще есть время, приложить все усилия к тому, чтобы объявить вне закона и поставить под контроль это дьявольское оружие».

Проф. Иэтлан Лонсдейл, член Королевского общества, секретарь ассоциации исследователей атомной энергии:

«Я считаю, что применение всех орудий массового уничтожения является крайне аморальным. Я думаю, что ученые и техники должны отказаться от работы в области их изготавления. Но ответственность за это лежит не только на них.

Люди, которые оплачивают производящиеся в данной области работы и дипломы, которые из-за инертности общественного мнения получают возможность санкционировать эти работы, — несут такую же ответственность.»

Проф. Р. Пирлз, член Королевского общества, профессор математической физики Бирмингемского университета:

«Мы подожнему должны использовать любую предоставленную нам возможность для достижения соглашения в области улучшения международных отношений...»

Барон, епископ Бирмингемский, член Королевского общества, доктор наук:

«Пусть наши ведущие физики, многие из которых с глубокой искренностью истинных христиан нечаяют войны, делают все возможное для развития науки атомной физики в любом направлении, которое способствовало бы прогрессу цивилизации человечества. Но давайте примем также решение выступить единим фронтом против практического использования результатов их исследований в качестве более мощного средства уничтожения».

Он любезно раскланялся и, разумеется, утром на страницах «Дэйли Экспресс» был напечатано все, что угодно, кроме этого заявления двадцати рабочих.

Будет так, как в случае, о котором нам рассказал старый рабочий — печатник одной из крупных лондонских газет (мы не назовем газеты только потому, что это может повредить нашему лондонскому собеседнику). Оказывается, в связи с понижением цен в Советском Союзе и с большим интересом к этому событию среди граждан Англии, до сих пор сидящих на карточной системе, газета сделала в набор статью, клеветавшую на нашу страну.

Однако в последний момент редакция задержала эту статью. Но нет, это было отнюдь не запоздалым угрызением совести. Просто в редакции узнали, что делегация советских женщин, с большим успехом выступавшая на многочисленных митингах в Англии, еще не уехала домой. Прочитав эту статью, советские легаты не замедлили бы разоблачить все ее гнусное содержание на ближайшем же митинге. Редакция дала указание задержать статью до отъезда советской делегации женщин.

Мы знаем: такие факты будут вперед. Будут писать, что черное — это белое, а белое — это черное. Будут задерживаться статьи в ожидании, пока уедут люди, которые могут их опровергнуть. Будут пускаться в ход все средства того грозного арсенала, которым располагает реакционная печать, состоящая на службе у полиграфов.

Но ничто не остановит великой борьбы за мир, которая идет во всем мире, и об одном из частных эпизодов которой — о дне 14 марта 1950 года в Лондоне — мы расскажем здесь.

Нам остается в заключение выразить то чувство большой теплоты, с которым мы вспоминаем о встречах с английскими борьбами за мир, с простыми людьми Англии, с рабочими и работниками, с друзьями, с членами партии культуры — все, кто сбрасывает угрозой новой войны, все, кто стремится защитить мир.

Несколько английских женщин рассказывали нам о том, как они пять часов прождали в «лобби» депутатов их округа, консерватора, и как он так и не снизился до свидания с избирателями.

— Как будто на свете сейчас есть более важная проблема, чем борьба за мир, — усмехнувшись, сказала нам одна из женщин, вспомнив эти слова депутата из округа.

— Но мы найдем его! — решительно сказали они. — Мы его заставим выслушать себя. Мы будем преследовать его, хотя это и не так легко, — рассмеялась одна из них.

— Почему не так легко?

— Потому что у него слишком много служб. Он — директор многих промышленных компаний. Незвестно, когда и какой из них его искать. Но ничего, мы все

равно найдем его. Он езда ли выступит за мир, но пусть знает, что в округе, где он баллотировался, есть люди, готовые бороться за мир и не намеренные ни на минуту складывать руки в этой борьбе. Пусть знает!

Четыре женщины в другом лондонском районе рассказали нам о том, как они, узнав, что Трумен бахвалится воздородной бомбой, пешком через весь Лондон, катя перед собой детские коляски, пришли к американскому посольству. Они шли через весь Лондон под проливным дождем с детьми. Они вручали чиновнику посольства свою протестную адресованную американскому правительству. Они растерянно посмотрели на них, вымокших до нитки под дождем, посмотрели на маленьких в колясках.

Что вам нужно? — спросил он.

— Нам нужен мир, — сказали они. — Мы не для того пережили шесть лет войны, чтобы для этого рожали детей, чтобы их разорвали на куски атомная бомба!

— Мы будем протестовать против войны и бороться за мир, где угодно и сколько угодно, — сказала женщина, описывая посещение американского посольства. — Мы готовы пройти какое угодно расстояние, катя перед собой коляски с детьми, которых мы защищаем, когда боремся за мир. Мы не уступим. Мы будем бороться до конца.

И на побледневшем от волнения лице этой женщины было в эту минуту выражение такой воли, столько твердости было в ее крепко стиснутых губах, что нельзя было сомневаться в том, что такие люди, как она, — а это сотни таких людей в Англии и во всем мире? — будут бороться до конца.

Люди, которые оплачивают производящиеся в данной области работы и дипломы, которые из-за инертности общественного мнения получают возможность санкционировать эти работы, — несут такую же ответственность.

Так было 14 марта в Лондоне.

Мы рассказали только об одном дне этой борьбы. Дней впереди много. Дел тоже. Будут расти силы англичанских защищиков мира, — в этом нет сомнения. Но будут расти и препятствия на их пути. — в этом тоже нет сомнения. Будет замедливать все действия защитников мира продажная буржуазная печать — так уже было не раз.

В редакции бирмингемской «Дэйли Экспресс» 14 марта пришли двадцать рабочих, протестуя против политики разжигания войны и против того, что их не принял депутат.

— О, это чрезвычайно интересно, — сказал редактор отдела новостей. Вы замечательно сделали, что пришли. Я немедленно поставил на совещании редакторов вопрос о напечатании вашего заявления.

Он любезно раскланялся и, разумеется, утром на страницах «Дэйли Экспресс» было напечатано все, что угодно, кроме этого заявления двадцати рабочих.

Будет так, как в случае, о котором нам рассказал старый рабочий — печатник одной из крупных лондонских газет (мы не назовем газеты только потому, что это может повредить нашему лондонскому собеседнику). Оказывается, в связи с понижением цен в Советском Союзе и с большим интересом к этому событию среди граждан Англии, до сих пор сидящих на карточной системе, газета сделала в набор статью, клеветавшую на нашу страну.

Однако в последний момент редакция задержала эту статью. Но нет, это было отнюдь не запоздалым угрызением совести. Просто в редакции узнали, что делегация советских женщин, с большим успехом выступавшая на многочисленных митингах в Англии, еще не уехала домой. Прочитав эту статью, советские легаты не замедлили бы разоблачить все ее гнусное содержание на ближайшем же митинге. Редакция дала указание задержать статью до отъезда советской делегации женщин.

Однако в последний момент редакция задержала эту статью. Но нет, это было отнюдь не запоздалым угрызением совести. Просто в редакции узнали, что делегация советских женщин, с большим успехом выступавшая на многочисленных митингах в Англии, еще не уехала домой. Прочитав эту статью, советские легаты не замедлили бы разоблачить все ее гнусное содержание на ближайшем же митинге. Редакция дала указание задержать статью до отъезда советской делегации женщин.

Однако в последний момент редакция задержала эту статью. Но нет, это было отнюдь не запоздалым угрызением совести. Просто в редакции узнали, что делегация советских женщин, с большим успехом выступавшая на многочисленных митингах в Англии, еще не уехала домой. Прочитав эту статью, советские легаты не замедлили бы разоблачить все ее гнусное содержание на ближайшем же митинге. Редакция дала указание задержать статью до отъезда советской делегации женщин.

Однако в последний момент редакция задержала эту статью. Но нет, это было отнюдь не запоздалым угрызением совести. Просто в редакции узнали, что делегация советских женщин, с большим успехом выступавшая на многочисленных митингах в Англии, еще не уехала домой. Прочитав эту статью, советские легаты не замедлили бы разоблачить все ее гнусное содержание на ближайшем же митинге. Редакция дала указание задержать статью до отъезда советской делегации женщин.

Однако в последний момент редакция задержала эту статью. Но нет, это было отнюдь не запоздалым угрызением совести. Просто в редакции узнали, что делегация советских женщин,